

ВВЕДЕНИЕ

Идеология толерантности: школа жизни с непохожими людьми

Нет человека, что был бы сам по себе, как остров;
каждый живущий – часть континента;
и если море смоет утес, не станет ли меньше вся Европа –
на каменную скалу, на поместье друзей, на твой собственный дом?
Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством.
А потому никогда не посыпай узнать, по ком звонит колокол: он звонит и по тебе.

Джон Донн

6

Век от века, тысячелетие от тысячелетия человечество проходит великое испытание – испытание человечеством. Оно хорошо знает понятие «род», но забывает о лишь внешне семантически схожем понятии «родство». Люди являются собой не только род, но и родство на планете по имени Земля. И в величайших этических учениях человечества родственные узы связывают нас с разнообразием самых разных форм жизни на нашей планете. Освоим ли мы когда-нибудь формулу, связывающую все живое: мы с вами одной крови, вы и я? Сумеем ли мы стать не только собратьями по крови, но и собратьями по духу? Сможет ли Земля, разделенная разными религиозными, этническими, мировоззренческими «квартирами», заслужить имя ОБЩЕГО ДОМА? Все это не абстрактные вопросы развлекающегося играми разума, а вопросы совместного бытия, солидарности разных людей в мире нарастающего разнообразия. От ответа на эти вопросы зависит, быть или не быть человечеству как единству разнообразия.

Для ответа на этот гамлетовский вопрос напрямем свою историческую память и вспомним, что человечество во все времена, стараясь стать человечным, вместо человеколюбия, человеко-приятия, человеконимания наталки-

валось на чудовищные проявления человекофобии: пики агрессии, ксенофобии, фанатизма, национализма и экстремизма.

Обратимся к лаконичной исторической хронике проявления человечофобии, национальной нетерпимости и фанатизма. Вопреки утверждению, что «сова Минервы вылетает в сумерки» (Гегель), демоны ксенофобии появляются в истории человечества и ночью, и днем. Хотя высказывание о том, что темные дела делаются в темноте, имеет свои весомые исторические подтверждения.

Знаменитый призыв «Христианин ко львам» и выкрики обезумевшей толпы во время правления Нерона являются одним из ярких символов межрелигиозных конфликтов. Человечество привыкло, навязывая друг другу «святую» веру, каждый раз разрушать мир до основания, разделяя людей на верящих и неверящих, верных и неверных, наших и не наших, своих и чужих, местных и не местных, пролетариев и капиталистов, Север и Юг, Запад и Восток, которым вместе не сойтись никогда.

Пиками борьбы за веру стали изменившие историю Средних веков Крестовые походы. Навсегда в памяти человечества останется и ночь резни 24 августа 1572 года, названная Варфо-

ломеевской ночью. Вначале Париж, а затем и вся Франция были усеяны трупами гугенотов, уничтожаемых католиками по всей стране.

Началом Холокоста — узаконенного геноцида целой нации, уничтожения людей только за то, что они **ИНЫЕ, ДРУГИЕ, НЕ ПОХОЖИЕ**, — стала «хрустальная ночь» в 1938 году в Германии. Поборниками ксенофобской фашистской идеологии Третьего Рейха были уничтожены, сожжены, замучены в лагерях смерти более 6 миллионов евреев только за то, что они — иные.

И сегодня было бы наивно думать, что фанатики живут только в прошлом, появляются в облике инквизиторов, сжигающих Джордано Бруно и устраивающих «охоту на ведьм», или идущих с факелами в руках по улицам Америки в белых одеяниях колонн Ку-клукс-клана. Они, увы, не достояние истории ночных резни, кровавых погромов и геноцидов прошлого. Они — рядом. Они — здесь. Они — среди нас.

Барометр социальной, этнической, религиозной и межпоколенческой напряженности в странах, еще вчера гордившихся своей толерантностью, все чаще показывает бурю.

Пик ксенофобии XXI века — 11 сентября 2001 года, уничтожение фундаменталистами тысяч людей в башнях-близнецах в Нью-Йорке.

XXI век — волны мигрантофобии, агрессии и этнических конфликтов во Франции, всплески неонацизма в Германии, массовые беспорядки, устроенные молодежью и подростками в старой добре Англии, побудившие лидеров всех этих стран усомниться в действенности политики мультикультурализма.

И наконец, историческое вчера — 22 июля 2011 года: на острове Утюя в Норвегии Андерс Брейвик, имевший в оточестве прозвище *Mord* (убийство), хладнокровно расстрелял 76 человек ради того, чтобы «спасти» Европу от угрозы марксизма, исламской колонизации и, главное, политики мультикультурализма.

У России же на этом фоне еще свежи в памяти этнические конфликты в Кондопоге и разгул фанатов на Манежной площади в Москве. С болью ко многим политикам приходит запоздалое понимание, что рост фанатизма, вандализма, мигрантофобии, кавказофобии и убийств на национальной почве угрожает целостности государства Российского и способен под антимигрантскими лозунгами «понаехали тут» разрушить любые социальные и экономические программы развития страны.

Впечатляющие сводки данных ежедневного мониторинга проявлений расизма, национализма и ксенофобии, публикуемые информационно-аналитическим центром «Сова», как и материалы Московского бюро по правам человека «СМИ о ксенофобии и экстремизме», напоминают новости с поля военных действий. Так, по данным центра «Сова», с начала 2011 года по август 2011 года по мотивам ненависти от расистского насилия погибло 15 человек, было ранено 80 человек, 7 человек получили угрозы убийства. Инциденты, за которыми стоят проявления ксенофобии, расизма и вандализма, были зарегистрированы в 22 регионах России. При этом обратим особое внимание на тот факт, что подобная статистика центра «Сова» не включает в себя жертв массовых драк и инцидентов, произошедших по мотивам ненависти в регионах Северного Кавказа. Весьма символично звучат и названия экстремистских организаций, члены которых были приговорены к различным срокам лишения свободы: «Команда белых инквизиторов» (г. Рязань), «Кровь Рейха» (сайт русского отделения Blood&Honor), «Духовно-родовая держава «Русь», сайт «Железный порядок — Полные ненависти» и т.п. В августе 2011 года Верховный Суд Российской Федерации признал законным решение о причислении к экстремистским организациям межрегиональной

общественной организации «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ) и запрете ее деятельности. Данное решение, по комментарию информационно-аналитического центра «СОВА», пока еще не пополнило Федеральный список экстремистских материалов, публикуемых на сайте Министерства юстиции Российской Федерации. В августе 2011 года этот список содержал ни много ни мало 966 пунктов.

В связи со всеми этими событиями более чем актуально звучит тезис, высказанный Президентом России Д.А. Медведевым в начале сентября 2011 года на мировом политическом форуме в Ярославле «Современные государства в эпоху социального разнообразия», о том, что *в России необходимо создать толерантное общество*: «...Мы действительно должны создать общество внутренней гармонии, где люди толерантны друг к другу, и в то же время люди уважительно относятся к традициям, составляющим сердцевину того или иного этноса.... Большинство европейских политиков стало говорить о кризисе мультикультурализма, о том, что собственно ценности мультикультурализма... не выдержали проверку временем и должны быть подвергнуты ревизии... У нас к этому вопросу более сложное отношение».

В этой социально-политической ситуации мы вновь обращаемся к отстаиваемой политиками, философами, естествоиспытателями разных времен *идеологии толерантности как к ключевому дискурсу плюралистического поликультурного поликонфессионального открытого общества*. Именно идеология толерантности, в которой толерантность понимается как универсальная норма поддержки разнообразия в эво-

люции различных сложных систем, является *потенциалом развития многочисленных форм симбиоза, сосуществования, социального и политического взаимодействия, кооперации, взаимопомощи и консолидации различных видов, рас, народов, национальностей, государств, религий и мировоззрений* (А.Г. Асмолов).

Толерантность как норма поддержки разнообразия и устойчивости разных систем выполняет в историко-эволюционном процессе следующие функции:

а) обеспечение устойчивого развития человека, разных социальных групп и «человечества как единства разнообразия» в изменяющемся мире;

б) право и ценность каждого человека как индивидуальности, право «быть иным»;

в) баланс и гармонизация интересов противоборствующих сторон в идеологии, политике, экономике, а также в любых других формах межличностного, социального и политического взаимодействия отдельных личностей, больших и малых социальных групп;

г) возможность диалога, переговоров, накопления потенциала солидарности, согласия и доверия различных мировоззрений, религий и культур.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что в контексте историко-эволюционного подхода к развитию сложных систем¹ *толерантность рассматривается как механизм поддержки и развития разнообразия этих систем, обеспечивающий расширение диапазона возможностей данных систем в различных непредсказуемых ситуациях и их устойчивость*.

В свою очередь, *ксенофобия выступает как механизм уменьшения разнообразия систем*, отражает тенденцию к

¹ См. об историко-эволюционном подходе к толерантности: Асмолов А.Г. Толерантность: различные парадигмы анализа // Толерантность в общественном сознании России. – М., 1998; Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание человека. – М., 2007; Материалы Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», 2001-2005 гг.

развитию систем закрытого типа (авторитарные системы, тоталитарные социальные системы, мировоззренческие системы, реализующие идеологические установки фундаментализма и фанатизма). Доминирование ксенофобских тенденций приводит к ригидности систем, росту их изоляционизма и сепаратизма, а тем самым и к неспособности к изменениям в непредсказуемых ситуациях.

В развитии сложных систем толерантность отражает стратегию взаимопомощи, кооперации, симбиотической эволюции. Ксенофобия же связана, в первую очередь, с пониманием конфликта как монопольной движущей силы эволюции различных систем, основы межвидовой, социальной и классовой борьбы.

Предложенное выше понимание толерантности позволяет увидеть феноменологию толерантности в разных системах координат в эволюции в целом и, прежде всего, в процессе антропосоциогенеза как противоречивом пути восхождения человечества к человечности. Оно побуждает понять, что не только конфликт, но и взаимопомощь выступает как мощный движущий фактор историко-эволюционного процесса. И не случайно такие мыслители, как В.И. Вернадский, П.А. Кропоткин, М.А. Ковалевский, А.А. Ухтомский, Пьер Тейяр де Шарден, Ю.М. Лотман, Илья Пригожин, Уильям Росс Эшби, отстаивали идеи вза-

имопомощи, примирения, солидарности, симбиотической эволюции, прогресса как роста разнообразия систем в мире людей и животных². Разные аспекты проблематики толерантности в контексте представлений о росте разнообразия и развития сложных систем звучат в классических работах Т. Адорно, Х. Арендт, Т. Парсонса и Г. Оллпорта. В философии и этике идеи толерантности прежде всего связаны с такими мыслителями, как Джон Локк, Франсуа Вольтер, Лев Толстой, Махатма Ганди, Альберт Швейцер, Михаил Бахтин, Мартин Бубер, Януш Корчак, имена которых вошли в историю человечества как имена величайших гуманистов.

В наши дни эстафета идей этих мыслителей продолжена в трудах таких исследователей, как А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский, В.С. Степин, В.А. Тишков, М. Уолцер и Ю. Хабермас³. Неслучайно, например, А.А. Гусейнов видит в идеях толерантности главный ключ к пониманию прав человека, этическую санкцию многообразия форм существования и многообразия путей к абсолютной истине.

Квинтэссенция идеологии толерантности как поддержки культурного разнообразия рельефно представлена в широком цикле исследований В.А. Тишкова, отраженных в заключительном разделе данной монографии.

Важной вехой в продвижении идей толерантности как дискурса россий-

² См. об идеях прогресса как роста многообразия, «рассеивающего отбора», развития сложных биологических и социальных систем, кэволюции, например: Алексеев В.П. Человек: эволюция и таксономия. – М., 1985; Иванченко Г.В. Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве. – Таганрог, 1999; Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М., 2003; Марков А. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня. – М., 2010.

³ См.: Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. – М., 2008; Тишков В.А. Единство в многообразии. – Оренбург, 2008; Гусейнов А.А. Толерантность и диалог культур // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Международные Лихачевские научные чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб; Гусейнов А.А. Пророки и мыслители древности. – М., 2009; Лекторский В.А. Диалог и толерантность во взаимодействии цивилизаций // Диалог цивилизаций. – М., 2005; Уолцер М. О терпимости. – М., 2000; Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 45–53; Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего, 1996.

ской политики стала разработанная по инициативе В.В. Путина Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» (2001-2005 гг.)⁴. Во многом идеи этой программы легли в основу предлагаемой вниманию экспертного сообщества коллективной монографии «Толерантность против ксенофобии». Эта монография в буквальном смысле этого слова и по идеям, и по авторам является по своему жанру междисциплинарной и представляет «единство разнообразия» коллективов факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Государственного Университета – Высшей школы экономики, Института антропологии и этнологии РАН, Института социологии РАН, Института мировой экономики и международных отношений РАН и Института социологии Российской академии образования.

Монография «Толерантность против ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска» состоит из введения, девяти разделов и заключения.

Кратко представим названия и авторов каждого раздела.

Раздел 1. Методология социального конструирования толерантности и управления рисками ксенофобии в многополярном мире (Г.У. Солдатова, В.А. Лекторский, В.Ф. Петренко, Т.А. Нестик, М.Б. Хомяков, Л.А. Шайгерова).

Раздел 2. Историко-эволюционные истоки механизмов контроля социальной напряженности и оценка их воздействия на общество (М.Ю. Мартынова, М.Л. Бутовская).

Раздел 3. Социально-экономическая политика формирования толерантности, доверия и кооперации в обществе риска (Е.Ш. Гонтмахер, Н.В. Загладин).

⁴ В разработке этой программы приняли участие А.Г. Асмолов, В.А. Тишков, Л.М. Дробижева, Е.Ш. Гонтмахер, М.Ю. Мартынова, В.С. Собкин, Г.В. Солдатова и другие исследователи, способствующие развитию представлений о переходе от парадигмы конфликта к парадигме толерантности при объяснении движущих сил эволюции современного общества, его восхождения, пользуясь термином известного русского философа К.Н. Леонтьева, к «цветущей сложности».

Раздел 4. Толерантность – ресурс конструктивного межэтнического и межконфессионально диалога (Л.М. Дробижева, Е.М. Арутюнова, А.В. Логинов, М.М. Мчедлова, С.В. Рыжова, А.Г. Шевченко, Е.Ю. Щеголькова).

Раздел 5. Миграционная стратегия для России и политика толерантности (А.Г. Вишневский, М.Б. Денисенко, Н.В. Мкртчян, В.И. Мукомель, Е.В. Тюрюканова).

Раздел 6. Молодежная субкультура – зона потенциальных рисков пропаганды ксенофобии, фанатизма и экстремизма (В.С. Собкин, Ю.О. Коломиец, Д.В. Адамчук, О.С. Маркина, А.И. Иванова).

Раздел 7. Толерантность и мультикультурализм – ценностные ориентиры СМИ (И.М. Дзялошинский, М.И. Дзялошинская).

Раздел 8. Модели и методы повышения информационной безопасности и диагностики рисков ксенофобии в реальном и виртуальном пространстве (Ю.П. Зинченко, А.Н. Веракса, А.Е. Войскунский, С.В. Леонов, Л.А. Шайгерова, Р.С. Шилко).

Раздел 9. Социокультурные, коммуникационные, сетевые и психологические технологии конструирования индивидуального и социального толерантного поведения в российском обществе (О.А. Карабанова, А.Н. Гусев, Т.П. Скрипкина, С.В. Кривцова, Э.Ф. Алиева, О.Р. Радионова).

Заключение. Россия как полигничное общество: понимание и управление культурным разнообразием (В.А. Тишков).

Всех авторов коллективной монографии объединяет вера в то, что идеология толерантности представляет собой магистральную линию развития полицентрического современного об-

щества. В ряде моментов представления о толерантности, изложенные в данной монографии, дополняют друг друга по логике «принципа дополнительности» Нильса Бора. Через всю монографию проходят такие острые сквозные темы, как отношение общества к мигрантам и подросткам, роль СМИ в конструировании толерантности и интолерантности, взлеты и падения мультикультурализма как основы единства разнообразия, поиск «порогов» толерантности и т.д. При этом авторы, даже если их взгляды иногда кажутся противоречащими друг другу, придерживаются формулы «*влюбленным можешь ты не быть, но толерантным быть обязан*» (А.Г. Асмолов).

Как далеки взгляды, развиваемые в данной монографии, от скепсиса и иронии тех аналитиков и критиков идеологии толерантности, которые сводят проявления толерантности исключительно к терпимости, пассивному равнодушию, снисходительности, плоскому мультикультурализму и политкорректности⁵! Для авторов монографии критика идеологии толерантности, звучавшая в подобных исследованиях, сама по себе является источником дальнейших разработок и баталий в утверждении этой идеологии среди политиков и экспертного сообщества. Благодаря этой критике мы движемся к большей личностной и когнитивной сложности в понимании толерантности как одной из движущих сил развития общества устойчивого разнообразия, а также все глубже начинаем осознавать опасность бинарных ловушек в стиле «фундаментализм или либерализм», «модернизм или консерватизм», «конфликт цивилизаций» и т.п. из разряда «черное или белое».

Оговоримся. Когда мы миролюбиво обсуждаем позиции критиков, ищащих альтернативы идеологии толерант-

ности в политике и науке, например, таких ярких исследователей, как Славой Жижек и Леонид Ионин, то сразу же хотим заметить, что наша собственная толерантность имеет границы по отношению к экстремистам и идеологам человекафобии.

У идеологов человекафобии сама мысль о толерантности как угрозе «черно-белому мышлению», разделяющему человечество на «чужих» и «своих», вызывает жгучую аллергию. Они не желают видеть очевидных вещей: *толерантность – это жизнь по формуле рассудка, ксенофобия – жизнь по формуле предрассудка*. Они забывают, что умный рассудит, а глупый осудит. И они стремятся обрядить рассудок в «белые одеяния» предрассудка. Подобного рода идеологические подмены и перевертыши стоят за большинством человекафобских нацистских или расистских теоретизирований, обслуживающих идеи превосходства, гегемонии одной социальной группы, нации, расы или класса над другой. В Третьем Рейхе эти идеи кристаллизовались в лозунге чистых арийцев «Германия превыше всего». В России же они поддерживаются идеологами черной сотни, подвергшими забвению слова апостола Павла, что нет для Христа ни эллина, ни иудея, ни скифа, ни самарянина, ни раба, ни свободного, ибо все они едины. Эти же идеи распространяют люди с «бритоголовыми» мыслями, которые за любой поддержкой непохожих, в том числе мигрантов, видят происки чужеродных космополитов, закулису мирового заговора и носителей «русофобии».

Где бы ни находились люди, одержимые демонами ксенофобии, их мышление и действия стоят на трех китах: *идеологии фундаментализма, психологии фанатизма и технологии терроризма*. Но и они – люди. К ним

⁵ См., например: Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. – М., 2002; Он же. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. – СПб., 2005; Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. – М., 2010.

полностью приложима мысль А.А. Гусейнова, выраженная в форме риторического вопроса: «В чем должна состоять толерантная позиция к тем, кто отрицает толерантность?» И если мы исходим из идеологии толерантности как идеологии человечности и антропологии ненасилия, то мы не будем посыпать их... узнать, по ком звонит колокол. И рискнем повторить слова Льва Николаевича Толстого: «Если бы люди понимали, что они живут не одной своей жизнью, а жизнью всех, то они знали бы, что,

делая добро другим, они делают его себе». И в этих словах суть идеологии толерантности как школы жизни в полицентричном обществе, школы жизни с непохожими людьми, школы человечности и великородства.

Надеемся, что предложенная вниманию экспертного сообщества и действующих политиков коллективная монография «Толерантность против ксенофобии» внесет свою лепту на пути к уменьшению рисков ксенофобии и движению России к толерантному обществу⁶.

⁶ Авторы выражают благодарность заведующему кафедрой психологии личности МГУ, академику Российской Академии образования, научному руководителю Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)» А.Г. Асмолову, чьи идеи об историко-эволюционном подходе к толерантности и ксенофобии стали смысловым стержнем данной монографии.